

И. Н. Юдкин-Рипун

РЕФЕРИРОВАНИЕ И КОММЕНТИРОВАНИЕ В СЦЕНАРИСТИКЕ КАК ТЕКСТОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Исследование свертывания при реферировании текста как последовательного устранения деталей, инициированное более полувека назад И. П. Севбо [1, с. 51], представляется как процедура редуцирования, свертывания текста, обратная хорошо известной в риторике амплификации, наращивания подробностей. Соответственно, обратной задачей реферирования можно рассматривать расширение текста комментированием. Особую разновидность таких задач, более сложных, чем реферирование и комментирование научно-технических текстов, из-за своей неопределенности и множественности интерпретаций, является переработки художественного текста в сценарий. В. И. Немирович-Данченко удачно описал практику подготовки роли артистами как задачу «наговаривать себе внутренние монологи, раскрывающие суть, зерно образа» [2, с. 96]. Более того, такая задача построения собственного комментария к роли рассматривалась как обязательная: «Никак нельзя, чтобы актер жил на сцене только теми словами, какие он сейчас произносит ... каждая фигура несет с собой что-то недосказанное ...» [цит. по: 3, с. 237]. Создается контрапункт внутреннего монолога из реплик «в сторону», произносимых и дополняющих текст роли. Такой контрапункт является дериватом записанного, произносимого текста, результатом его преобразования.

Ключевую роль в построении трансформационной грамматики для порождения комментария из текста получает предикация – приписывание признаков описываемым в тексте предметам. С позиций функциональных представлений подразумевается требование сохранения актуальных предикатов – рем как инварианта текстовых преобразований. Для определения такого инварианта по ремам значима так называемая предикабельность – само свойство понятия в роли предиката обозначать признак в отвлечении от предмета и приписывать его иному предмету. Соответственно, понятия, обладающие этим свойством или предикабилии, по Л. П. Гокиели, несут ответ на вопрос, «как можно чему-либо приписать нечто отличное от него» [4, с. 148]. Потенциальные предикаты в языке (в противоположность речи) представлены глагольной системой. Далее понятие предикабельности обобщается в разработанном Н. Ю. Шведовой понятии дейксиса и дейктических глаголов – предельно обобщенных, передающих свою семантику дополнениям и обстоятельствам.

Со своей стороны, требование инвариантности предикации обусловлено ее значимостью для представления описываемой в тексте ситуации, в которой выявляется конфликт, противоречие, лежащее в основе решаемой в тексте проблемы. Описание такого противоречия осуществляется через противопоставленные признаки, то есть при посредстве предикации. Приписывание различающихся или противоположных признаков предметам позволяет описать мотивы, лежащие в основе ситуации и определяющие антитезы проблематики текста. А. В. Бондарко, обосновывая понятие категориальных

ситуаций, отличал их от общих ситуаций как «нефокусированных» [5, с. 24] и предполагающих внутренние различия, доводимые до контрастов и конфликтов. Задачи представления текста как постановки и решения некоторой проблемы вызывает вопрос о степени полноты и определенности текста, в частности, о подтексте и, шире, латентном содержании, для раскрытия которого требуется комментарий. Максимальная определенность и полнота задается пропозициональной структурой и предполагает сохранение ее при преобразовании. При таком условии основными дериватами текста являются переводы высказываний в вопросительную и отрицательную формы.

Основу такого преобразования составляет известная техника общих и частных диктальных и модальных вопросов. Общие диктальные вопросы относятся к описываемой ситуации, а модальные вопросы предполагают вскрытие интенции, стоящей за высказыванием, истинности намерений. Диктальный вопрос ставится априори, модальный относится к уже высказанному апостериори. Соответственно, вопросы строятся направлены на актуальные предикаты – ремы сообщения и зависят от того, какова актуализация предикатов в перспективе повествования. Тут возникает вопрос о полипредикативности высказывания, обнаруживаемой уже в распределении рем, изменяемой с условиями актуализации (не говоря уже о различии и переменности субъектов модуса и диктума), и соответственно, о множественности ситуаций – полиситуативности [6, с. 250]. Типичным представителем такой переменности являются пословицы, истолкование которых определяет место ремы, а потому и смысл целого.

Так называемые сценические пословицы, построенные через развертывание соответствующего афоризма, наглядно демонстрируют преобразования пропозициональной структуры. Таковы преобразования пословицы «*Свято место пусто не бывает*» $\leftrightarrow$ *если место свято, то оно не пусто*. Диктальные частные вопросы: $\leftrightarrow$ – *Каково место? – Весьма свято! – Значит, пустовать не будет.* $\leftrightarrow$ *Каково наше святое место? – Да пока пусто! – Ну, долго пустовать не будет, ибо свято*. Модальные частные вопросы: $\leftrightarrow$ *Да так ил уж свято это место? – Очевидно, таки свято, ибо не пусто* $\leftrightarrow$ *Занято ли это место? – Нет, пока пусто, хоть и свято*. Альтернативные дериваты: $\leftrightarrow$ *Пустое место не свято* $\leftrightarrow$ *Место пусто, хотя и свято*. Ситуация пословицы описывается конфликтом СВЯТОСТЬ vs. ПУСТОТА. Такое противопоставление демонстрирует участок лексического ряда совместимости (на основе ситуативной частичной синонимии или антонимии). Приведенный пример позволяет сформулировать последовательность шагов преобразования высказывания в вопросы: определить рему, заменить ее многоточием (для диктального вопроса) или антонимом (для модального вопроса), задать вопросительное слово, изменить порядок слов.

Такие трансформации позволяют развернуть текст в диалогическую структуру типа катехизиса – чередования вопросов и ответов, альтернатив и возражений. В свою очередь, построение катехизиса не исчерпывает раскрытия латентной информации текста. Помимо производных «логического квадрата», получаемых в катехизисе из вопросов и отрицаний, требуется привлечение опыта, предполагаемого у адресата текста, раскрытие пресуппозиции, построение возможных импликаций из высказываний. Такие процеду-

ры предполагает интерпретация лирического стихотворения, предполагающая переработку его в солилоквию – разговор с этим текстом как с высказыванием Иного. Особенность лирики заключается в тотальной предикации: «Предложение в составе такого предельно тесного единства, каким является поэтический текст, утрачивает в принципе одно из главных коммуникативных свойств предложения–высказывания – способность члениваться на тему и рему ... Лирическое стихотворение развивает и варьирует одну тему. Поэтому оно представляет сплошную рему» [7, с. 151]. Помимо превалирования предикации, лирика характеризуется преобладанием созерцательности и, соответственно, перцептивного аспекта, так что все высказывания могут быть сведены к страдательному залогу. Эти два обстоятельства – сквозная предикативность и перцептивность – влекут за собой неполноту и неопределенность лирической абстракции, откуда проистекает, в частности, специфический именной стиль изложения, построенного как последовательность назывных предложений, выводящий за пределы пропозициональных структур. В силу своей неполноты лирика представляет собой лакунарный текст, требующий дополнения воображением читателя и вызывающий его на спор.

Построение полемического контрапункта к поэтическому тексту можно продемонстрировать интерпретацией К. И. Чуковского, засвидетельствованной воспоминаниями М. Алигер. Так, читая «Признание» Е. А. Баратынского, он перемежал строки собственными комментариями: «*“Грущу я, но и грусть минует ...”* <...> Он уже давно не грустит, смею вас уверить <...> *“Подругу без любви – кто знает? – изберу я”* <...> Он то уж отлично знает и давно уже избрал ее, и отнюдь не без любви, старая лиса!» [8, с. 278]. Такому раскрытию поэтического подтекста у К. И. Чуковского служили и экспериментальные преобразования стиха в прозу, разрушавшие идиоматичность.

Переход от пропозициональной структуры к словосочетаниям как самостоятельным единицам текста, связанный с неопределенностью и неполнотой лирики, осуществляется в частности, через превращение участков текста обособлением. Такие обособленные члены утрачивают определенность по некоторым категориям, в частности, лица, места, времени, что выражается в предложенном В. В. Виноградовым понятии полупредикативности. Вместе с тем, иные категории предикации, такие как модус и функция ремы, сохраняются, что позволяет говорить о предикативности вне пропозициональности и называть ее носителей «второстепенными сказуемыми» [9, с. 307]. Полупредикативность особенно ярко проявляется в минимальных изотопных цепочках, ограниченных парой лексических единиц – ситуативных частичных синонимах или антонимах, риторической фигуре *гендиадес*, где обнаруживаются признаки зависимости и управления. Обособленные словосочетания с полупредикативными признаками предстают как потенциальные распространители предложения с признаками неполноты.

Именно в силу частичной предикативности перечислительные конструкции не сводятся к линейным последовательностям, обнаруживая иерархические отношения между словосочетаниями. Таков образец именного стиля в стихотворении Игоря Северянина: *«Они живут политикой, раздорами и войнами, / Нарядами и картами, обжорством и питьем, / Интригами и*

сплетнями, заразными и гнойными, / Нахальством, злобой, завистью, развратом и нытьем» (Игорь Северянин, «Чем они живут», 20.01.1923) [10, с. 212]. Полупредикативность здесь создает иерархию благодаря построению перечисления как ряда фигур гендиадес, выделенных союзами *и*. Примечателен прием корреспондирующего стиха (*versus rapportari*) в третьей строке. Ситуация обличения определяет подбор мотивов, среди которых выделяются кульминационной позицией эпитеты ГНОЙ & ЗАРАЗА. Основной конфликт определяется позицией наблюдателя, для которого неприемлемо описываемое состояние мира. Аспект состояния и модус антипатии позволяют построить такой вариант построчного комментария: $\langle \rightarrow$ бытие войной за счет иных жизней – людоедство – братоубийство; $\rightarrow$ роскошь из горя других – прожигание жизни; $\rightarrow$ ложь и обман – основа их духа, она болезненна и смертоносна; $\rightarrow$ живущие за счет других ненавидят ими же ограбленных>. Использование полупредикативности позволяет выстраивать комментарий к лирическому стихотворению в виде цепочки реплик «в сторону», составленных из словосочетаний, выводимых из комментируемого текста. По такому принципу предлагаются и следующие сценарные комментарии к цитатам.

«Любовница – дивное русское слово, / И как бы ты смел на него напасть, / Когда оно – жизни основа / И в нем сочетались любовь и страсть?! / В этом слове есть что-то неверное, / Драматическое что-то есть, / Что-то трогательное и нервное, / Есть оправдываемая месть» (И. Северянин, «Любовница», 1929) [10, с. 59]. Две ситуации – защита образа от возможного порицания и раскрытие потаенного смысла – определяют мотивы жизнотворчества и ранимости жизни. Конфликт ситуации определяется как апологией образа, так и раскрытием ее внутреннего драматизма: жизнеутверждающее начало всегда стоит рядом с угрозой гибели. Аспект перехода к иному состоянию определяется указанными ситуациями. Возможные сопровождающие построчные реплики: $\langle \rightarrow$ диво – очарование слова; $\rightarrow$ порицание порицает самого хулителя; $\rightarrow$ образ равноценен дару жизни; $\rightarrow$ неустойчивость, экзистенциальная ситуация риска страстного бытия – противоречием обозначено само сочетание; $\rightarrow$ драма – конфликт, присущий образу, и его театральность, видимость; $\rightarrow$ любовь ранима – хрупкость бытия; $\rightarrow$ месть – любовь и гибель рядом, Эрос – Танатос>. Проблема ОПРАВДАНИЕ БЫТИЯ (очерченная автором через «оправдание мести») вырисовывается за деталями образа.

Ситуация общения над разделенным временем бытием дана в одном стихотворении литературоведа Ивана Новикова, посвященного мысленной встрече с покойной женой. Тут всплывает давний мотив тихого звука, слышного только избранным (известный, в частности, из стиха Фридриха Шлегеля *Durch alle Töne tönet / Im bunten Erdenraum / Ein leiser Ton gezogen / Für den, der heimlich lauscht* ‘Сквозь все звуки пестрого земного сна тянется тихий звук для того, кто тайно вслушивается’): *«Между звуков обычных / Для воскресшего дня / От земных всех отличный / Звук коснулся меня / Он другими не слышим, / Лишь моею душой»* (Иван Новиков, «Звук особый», 24.07.1955) [11, с. 455]. Аспект тут определяется однократностью события, равнозначного чуду. Предлагаемые возможные реплики-комментарии раскрывают полемику с обыденностью: $\langle \rightarrow$ значит, имеется необычное звуча-

ние – настороженность для его встречи: → день воскресает как Христос – наше бытие в дневной яви открыто Воскресению; → прикосновение звука, а не просто вслушивание, есть знамение». Конфликт стихотворения выражен мотивами СОКРОВЕННОЕ vs. ПОВСЕДНЕВНОЕ.

Наконец, резко конфликтная ситуация противостояния суеты и созерцательного бытия представлена в стихотворении А. Блока: «Ветер стих, и слава зоревая / Облекла вон те пруды. / Вон и схимник. Книгу закрывая, / Он смиренно ждет звезды. / Но бежит шоссеиная дорога, / Убегает вбок ...» (А. Блок. «Ветер стих ...», 08.1914) [12, с. 271]. Мотив ОБЛАЧЕНИЕ ЗАРЕЙ, снизошедшее на монастырские пруды, контрастирует мотиву ПУТЬ, который в заключительной строке направляется «Мимо инока, прудов и звезд». СМИРЕНИЕ инока противостоит БОКУ, в который ведет шоссе. ОЖИДАНИЕ тут – антоним БЕГУ. Аспект эпизода подчеркивает несовместимость причастности вечности и беготни, которая всегда бесцельна, всегда «мимо», как указано в финале. Возможные построчные реплики дополняют такое раскрытие смысла: <→ подразумеваемый вечер, слава дня Божьего – упомянутый стихший ветер (подсказка аллитерацией); → обзор – с прудов на обитель схимника, на книгу (точка зрения наблюдателя); → взор схимника обращен к небу; → дорога крива, сворачивает, уводит от осмысленного бытия». В конечном счете такие комментарии призваны воссоздать характеристику подразумеваемых действующих лиц, в том числе и безличных сил, таких, как описанная дорога, участвующих в ситуации.

Итак, переработка текста в сценарий представляется как его авто-дескрипция, где комментарии порождаются развертыванием подтекста. Лирическое стихотворение включается в солилоквию – внутренний монолог интерпретатора и дополняется комментариями в виде реплик «в сторону», чередуемых со стихами. Конечная задача таких реплик – выявить конфликт, лежащий в основе текста, определяющий его проблемность. Задачи, поставленные когда-то В. И. Немировичем-Данченко, представляется возможным рассматривать и в плоскости риторических процедур преобразования текста в комментарий и реплики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Севбо, И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. – М. : Наука, 1969 – 136 с.
2. Кнебель, М. О. Школа режиссуры Немировича-Данченко / М. О. Кнебель. – М. : Искусство, 1966 – 168 с.
3. Виленкин, В. Я. Вл. И. Немирович-Данченко. Очерк творчества / В. Я. Виленкин. – Издание Музыкального театра им. Народного артиста СССР Вл. И. Немировича-Данченко, 1941. – 326 с.
4. Гокиели, Л. П. Логика / Л. П. Гокиели. – Тбилиси : Мецниереба, 1967 – 272 с.
5. Бондарко, А. В. Категориальные ситуации. К теории функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2. – С. 20–32.
6. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова // РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1998. – 528 с.

7. *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова – М.: Наука, 1986 – 210 С.
8. *Алигер, М.* Долгие прогулки / М. Алигер // Воспоминания о Корнее Чуковском; изд. 2-е. – М. : Советский писатель, 1983 – С. 274–294.
9. *Фурашов, В. И.* Современный русский синтаксис / В. И. Фурашов – Владимир : ВГГУ, 2010 – 370 с.
10. *Северянин, Игорь.* Классические розы. Медальоны / Игорь Северянин. – М. : Художественная литература, 1991 – 224 с.
11. *Новиков, И. А.* Собр. соч. : в 4 т. / И. А. Новиков. – М. : Художественная литература, 1967 – Т. 4. – 560 с.
12. *Блок, А.* Собр. соч. : в 8 т. / А. Блок. – М., Л. : Гослитиздат, 1960. – Т. 3. – 716 с.